Наша Газета
nashagazeta.ch
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Смешной Достоевский Франка Касторфа | Un drôle de Dostoïevski de Frank Castorf

Auteur: Людмила Майер-Бабкина, Цюрих , 09.10.2017.

Сцена из спектакля "Чужая жена и муж под кроватью" в цюрихском Schauspielhaus (© Matthias Horn)

Очередную попытку познакомить швейцарскую публику с русским репертуаром предпринял цюрихский Schauspielhaus. О результате судите сами.

|

Le théâtre zurichois Schauspielhaus a entrepris une nouvelle tentative de présenter le

répertoire russe au public suisse. Vous pouvez en juger le résultat.

Un drôle de Dostoïevski de Frank Castorf

Немецкий режиссёр Франк Касторф, лауреат бесчисленных театральных премий, приобретший за свою долгую творческую жизнь статус «театрального чуда» и адаптировавший к сцене практически все романы Ф. М. Достоевского, поставил в Цюрихе рассказы классика под общим названием «Чужая жена и муж под кроватью».

На втором премьерном показе театральная публика не проявила единодушия в оценке нового спектакля Касторфа. За антракт зрителей в зале уменьшилось примерно на две трети. Зато те, кто остались, горячо приветствовали новую работу любимого режиссёра.

О первоисточнике и замысле сочинителя

Как обычно, в своём независимом творчестве режиссёр не пожелал следовать за автором рассказа Фёдора Достоевского, сочинившим невероятно смешную историю обманутого ревнивца, написанную автором по законам классического абсурда, когда именно логика поведения персонажа заводит его в нелепейшие ситуации. Касторф, не терпящий на сцене упорядоченность и тем более логику, отказывается её выстраивать и попросту подмешивает к первому рассказу другое сочинение писателя – «Сон смешного человека». Этот рассказ писатель основывает на мотивах мифа о потере людьми библейского рая «золотого века» и их приходе к веку «железному». Герой рассказа, испытав в детстве всю меру горьких унижений, воспринимает всех окружающих как злых и жестоких, и, увидев однажды странный сон, приходит к мысли, что сам он должен нести в себе агрессию. Он переживает глубокий душевный кризис. Возникают метафизические темы «логического самоубийства», бунта против Бога, грехопадения, милосердия и смирения. В таком смешении водевиля и мифологических сюжетов второго рассказа и создан немецким режиссёром сценический Достоевский.

Сцена из спектакля "Чужая жена и муж под кроватью" в цюрихском Schauspielhaus (© Matthias Horn)

Разумеется, содержание, передаваемое посредством сновидения, строится не по законам зрительского восприятия и потому оправдывает любые нелогичности, внезапности, сексуальные мотивы и отсутствие сюжета, что и характерно для спектакля щедрого в своей изобретательности режиссёра. Не всем, однако пришёлся по вкусу такой сценический язык и соединение столь далеко стоящих друг от друг материй: водевиль и мифология. Приведем короткий разговор со Зрителем (так условно назовём моего собеседника), которому спектакль явно понравился.

Как Вы отнеслись к неоднозначному восприятию публикой спектакля?

Лично я смотрю спектакли Касторфа по 5 раз! Вот и теперь я специально для этого приехал из Берлина.

А о чём, по-Вашему, спектакль?

О любви.

Кого к кому?

Всех ко всем.

А что больше всего привлекает Вас в спектаклях Касторфа?

То, что в них есть то, что я сам знаю про жизнь и что думаю. Я тут вижу и библейские мотивы, и проблемы Африки. Я думаю об этом. Видите, в спектакле даже два

настоящих чернокожих артиста играют.

Значит, театр говорит с Вами о том, что Вы и сами знаете? И, видимо, поэтому у Вас возникает ощущение причастности?

Да. Это вызывает во мне эмоции.

А первооснова — само авторское сочинение, позиция писателя, поэта - Вас не интересует?

Нет, авторы совсем не нужны театру.

Почему?

Потому что жизнь — больше любой пьесы.

А режиссёр — главнее любого автора?

Каждый же день что-то происходит, всюду — политика и войны.

Так ведь про это газеты рассказывают. А театр, может, расскажет нам с Вами про человека ? Как ему живётся в политическом аду?

Нет, нет, просто спектакли Касторфа надо смотреть по нескольку раз. И Вы обязательно, обязательно найдёте там что-то для себя!

Сцена из спектакля "Чужая жена и муж под кроватью" в цюрихском Schauspielhaus (© Matthias Horn)

… Мне вдруг подумалось, что этот Зритель не спектакли смотрит, а просто утоляет

своё одиночество, приходя в театр. Он будет смотреть этот спектакль часами. Ведь он остаётся на дистанции с театром и вместе с тем ему хватает того, что в театре «знают», о чём он думает. И ему нет дела до стройности композиционного построения или её отсутствия, нет дела до целостности спектакля, оставляющего след в душе, иногда — на всю жизнь, или заменой её (целостности) потоком сцен.

Он не будет тяготиться громкими надрывными голосами, длиннотами, так как знает, что всё равно обязательно произойдёт что-то такое, что он знает: например, выведут на сцену в русском сюжете, рассказанном Достоевским, темнокожих тренированных артистов, что будет сигнализировать ему о наличии проблем в Африке. А он ведь про это тоже думает!

Или увидит на сцене технически грандиозно выполненную прорубь, в которую с помощью спецэффектов длинная вереница православных верующих станет методично погружаться один за другим, а затем прорубь преобразуют в бассейн, где поплавает обнажённая белокожая нимфа. Это он знает. И ему от этого хорошо.

Ему, Зрителю, будет абсолютно неважно, что модная сценическая технология селфи уже не восхищает новизной: операторы преследуют актёров на площадке и воспроизводят на экран их лица, приближая их к публике, хотя зал Schiffbau совсем небольшой и особой необходимости в том нет. Живое лицо, даже на расстоянии, привлекательнее, чем его экранная копия.

Сцена из спектакля "Чужая жена и муж под кроватью" в цюрихском Schauspielhaus (© Matthias Horn)

Он даже особо не восхитится тем, что по-настоящему прекрасно в спектакле: великолепное строение тёплого русского дома, с подробной рукотворной резьбой, с

дымком над крышей, белыми занавесками на окошках, с бельём на верёвке и туалетом на улице. Такие домики ещё остались в Сибири. Дом выстроен на сцене, прежде всего, как фон к действию. А когда персонажи в него заходят, их показывают зрителям на экране. Здесь реализм и условность художественно соотносятся друг с другом, являя собой образец художественного мышления: браво, художник Александр Денис.

А главным достоинством очаровательной, предельно органичной актрисы Катрин Ангерер Зритель назовёт то, что она стала звездой без специального образования. Её опыт —мечта и надежда для многих, кого не принимают в артисты.

Мне не пришлось продолжить нашу беседу, так как Зритель вполне определённо заявил, что спектакли Касторфа — НЕ для профессионалов и НЕ для критиков. "А для кого?", спросила я. "Для людей".

Тут же вспомнилась замечательная книга Дж. Стреллера с таким же названием «Театр — для людей». В ней режиссёр рассказывает, как он «вместе с людьми» создавал свой потрясающий поэтический театр. Его художественно совершенный, гармоничный, воздушный «Перекрёсток» с благодарностью вспоминают сотни москвичей, прикоснувшихся к Прекрасному. А некоторые, возможно, до сих пор хранят унесённые со сцены на память горсточки театрального бумажного снега.

Сцена из спектакля "Чужая жена и муж под кроватью" в цюрихском Schauspielhaus (© Matthias Horn)

Касторф тоже пошёл по пути «Театр — для людей», получив «Фольксбюне». Только акценты у него у него был расставлены иначе. В его театре была невероятная плотность различных проявлений творчества и разнообразие репертуара. Жизнь в театре не прекращалась ни на минуту. Это был такой мощный энергетический

молодой источник, в котором радикализму было отведено весьма уважаемое место: «Я — бунтарь, склонен к психопатии, общая гармония меня не интересует», позиционировал себя руководитель Народного театра. И он стал созвучен своей не буржуазной немецкой публике и коллегам. К нему приходили разные люди и становились его друзьями. Вокруг театра образовалось некое притягательное поле, манящее неограниченной свободой и художественной вседозволенностью, придавая людям уверенность в себе и дающее силы думать, мечтать, жить. В таком театре было, видимо, уютно, знакомо... и не одиноко.

«Я потому и увлекся Достоевским, что чувствую в обществе явное состояние безысходности, убожества, хрупкости человеческого существа», признался в одном из интервью Франк Касторф. Режиссёр, делясь своими откровениями, имел в виду, прежде всего, тех, кто приходит в его театр, как к знакомым, таких, как мой условный берлинский собеседник — Зритель. Его театр – для них.

Костюмы изготовила Адриана Врага Перетцки, Видео - Андреас Дайнерт. В спектакле занят великолепный ансамбль немецких актёров: Катрин Ангерер, Готтфрид Брайтфус, Роберт Хунгер — Бюлер, Ёхан Юргенс, Роберт Ройцек, Зигги Швинтек.

От редакции: если вы захотите составить собственное мнение о работе Франка Касторфа, то спектакль можно посмотреть 11, 13, 15, 22, 23, 24 и 26 октября.
Федор Достоевский
Статьи по теме
Достоевский о Женеве: «Это ужас, а не город!»

Source URL: *https://nashagazeta.ch/news/culture/smeshnoy-dostoevskiy-franka-kastorfa*